

Муз» и др., характерны попытки обрести единство с бытием через эстетический пафос. В то же время лирика Г. становится более предметной («Может быть, я к родине / Приближаюсь ныне, / Слушаю предания, / Узнаю святыни?» («У меня нет родины...», 1912). Возникает тема поэзии как служения Творцу («Благослови меня служить Тебе словами...», 1911), неустанного бодрствования духа. Долгие религиозные искания Г. приводят ее в Православную церковь.

Дореволюционная проза Г.— очерки, посвященные становлению личности ребенка, эссе о литераторах — автобиографична и глубоко психологична («Из мира детских игр», 1906; «О том, чего не было», 1911 и др.)

Годы революции и Гражданской войны Г. проводит в Крыму, переживая красный террор, аресты и расстрелы близких, голод, едва не унесший жизнь детей. В янв. 1921 Г. была арестована и провела несколько недель в тюрьме-подвале в Судаке, где создала цикл стих. «Подвальные». Позже, в 1924–25, написала «Подвальные очерки» (вскоре частично опубликованы Б. К. Зайцевым в журнале ж. «Перезвоны», 1926, № 25–27).

Последний период — важнейший для внутреннего развития и для поэзии Г., когда созданы лучшие ее стихи. «В сущности, она всегда была поэтесса-святая. Невидная собою, с недостатком произношения, недостатком слуха, А. Г. была — великая скромность, чистота и душевная глубина», — писал Б. К. Зайцев (Зайцев Б.— С. 397). С. Н. Булгаков вспоминал, что Г. была исполнена внутреннего света, который от страданий становился лишь ярче и чище (Наше наследие. 1991. № 3. С. 124). Этот внутренний свет озаряет и стихи, и прозу Г. последнего периода.

Тема «Подвальных очерков» — пограничное состояние людей на пороге смерти, когда уходят временные, земные желания и заботы и человеку открывается Истина Евангелия. Прощаясь друг с другом на земле, люди становятся «братьями в вечности». Трагические сцены выдержаны в строгом, сдержанном стиле. Все происходящее побуждает автора к раздумьям: «Не слишком ли мы полагаемся на себя? Не слишком ли редко обращаемся мыслями к незримой вневременной власти?» (очерк «Todesreif», т. е. «Готовый к смерти»).

Те же мотивы жизни на грани смерти, предчувствия близкого перехода в мир иной звучат и в поэзии Г. этих лет, которую можно охарактеризовать как редкую для XX в. «христианскую лирику». Путь поэта, вслед за пушкинским «Пророком», осмысляется как

следование Божию призыву: «Нейди вперед, не засветив лампы, / Чтоб каждый день в веках не угасал!» («Сонеты», 1919). Переживание вины, тоска, отчаяние разрешаются в сладости жертвы Христу. В мире, где стало «пустынно и сурово», крепнет вера, что «смерти нет» («Какая радость снять оковы...», 1924–25). Страдания возвысили и очистили душу поэтессы. Стихи этого периода — «это религиозные гимны. Это великое приятие всех бедствий и страданий, величайшее утверждение смирения и любви к Богу» (Зайцев Б.— С. 398).

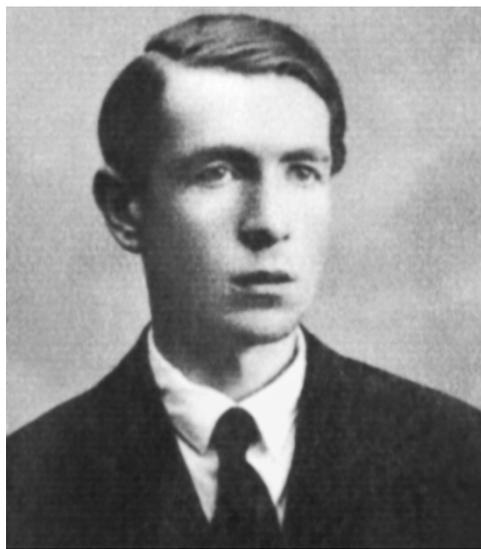
Была похоронена в Судаке; могила не сохранилась. Дом Г. в Судаке уцелел.

Соч.: Стихи и проза: в 2 т. / сост., предисл., комм. Т. Н. Жуковской. М., 1993; Жарок был цвет души...: очерк, стихотворения // Наше наследие. 1991. № 3; [Стихотворения] // Sub rosa. М., 1999; Сестры Герцык. Письма / сост. и комм. Т. Н. Жуковской. СПб.; М., 2002.

Лит.: Герцык Е. К. Воспоминания. М., 1996; Волошин М. Лики творчества. Л., 1988; Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение. М.; Судак, 1997; Зайцев Б. К. Светлый путь (Памяти А. Г.) // Зайцев Б. К. Знак креста. М., 1999; Калло Е. Четыре имени в русской поэзии // Sub rosa. Женская лирика Серебряного века. М., 1999.

А. М. Любомудров

ГЕССЕН Алексей Владимирович [14(27).5. 1900, Петербург — 10.7.1925, Париж; похоронен на кладбище Рюэй в предместье Парижа] — поэт, публицист, юрист.

А. В. Гессен

Родился в семье известного гос. деятеля В. М. Гессена, секретарь русской миссии I мирной конференции в Гааге (1899), члена II Гос. Думы от партии кадетов, видного юриста, профессора гос. права. Окончив коммерческое училище в Лесном, Г. в 1918 поступил в Петроградский ун-т на историко-филол. ф-т. В 1920, после смерти отца, перевелся в Политехнический ин-т, где уже учился его брат Николай. В дек. 1921 братья Гессены эмигрировали в Прагу, где получили образование на Русском юридическом ф-те, открытом под протекторатом Карлова ун-та. В 1923 переехали в Париж, где Г. спустя 2 года умер от туберкулеза.

Стих. Г., публиковавшиеся в «Русской мысли» (1922–24) и в «Возрождении» (1925–26), представляют тонкого романтика, влюбленного в жизнь, православного христианина, страстного патриота. Архимандрит Константин (Зайцев), бывший некоторое время преподавателем Г. на Русском юридическом ф-те в Праге, уловил главную черту его характера: «он был нравственным талантом. Не холодным зрителем проходил он через наши грозные дни, <...> в нем происходила огромная внутренняя работа по созданию нового крепкого и светлого мироздания. <...> Замкнутый, застенчивый и робкий, он пламенел внутренним огнем» (Венок на могилу А. Гессена).

В эмиграции Г. был поражен, что русские не объединились для борьбы с большевиками, но еще больше разошлись в своих политических пристрастиях. Статья **«Там и здесь. Впечатления и мысли недавно вырвавшегося»** (Русская мысль. 1922. Кн. 5) наполнена пафосом юношеского максимализма, направленного против тех, кто отступил от борьбы: «В России голод и физические страдания, иногда угрозы самому существованию, могут заставлять идти на компромиссы, на соглашения, на уступки. Тем же, которые здесь в безопасности, в довольстве, ради выгод или малодушия, готовы протянуть руку палачам России — нет оправдания, нет и не будет прощения».

Самое значимое произведение Г. — поэма **«Горькие травы»** (Возрождение. 1925. 12 июля) — попытка, по словам Г. Струве, «...дать в историческом преломлении, в смене ярких картин, проникнутых историко-идеологическим подходом, генезис русской смуты» (Венок на могилу Гессена), показать не только проникновение западных идей на русскую почву, но и то, как они, попав в Россию, изменяли образ жизни целых поколений. Поэма состоит из 5 частей («Предки», «Праде-

ды», «Деды», «Отцы», «Дети»), в которых присутствуют сквозные образы поля (страна, родина, государство), пахаря и сеятеля (государь, монарх, правитель, царь), охотника и добычи (отношения между личностью и правителем). Во вступлении царь-преобразователь (Петр I) сеет «чужое заморское семя», которое «неохотно растила земля». «Коварная отравка», пылающая в крови «внуков» и «правнуков», собравших «урожаи» петровских реформ, сделала их нестойкими перед надвигающимися бурями. Эпоха Александра I представлена Г. в ее кульминационном моменте после 1812, когда молодые офицеры, опьяненные победой, в Париже знакомы с учением либеральных просветителей. На восстание 1825 их толкнула «Мудрых книг губительная ложь, / Лживых слов лукавое злодейство, / Дерзких мыслей ненасытный нож». Глава о правлении Александра III, которому Г. явно симпатизирует, одна из лучших в поэме, посвящена В. В. Розанову. Этот царь «Не побоится в ржавой лужице / Сапог солдатский окунуть, / Упрется в землю, понатужится / И выведет на верный путь...». Часть «Отцы» посвящена революциям 1905 и 1917, отречению Николая II от трона, когда «...Русь за долгою обедней / Слагает к Божьему Престолу / Столетней муки тяжкий крест». Последняя часть поэмы — «Дети» — представляет собой лирическую исповедь поэта, окрашенную трагическими красками. Основной мотив — чувство незащищенности и обреченности целого поколения людей, вынужденных покинуть Родину. Для лирического героя, тайно покидающего город, Петроград — уже не любимый, праздничный, парадный дом, но мертвое место, с глухими и гулкими улицами, на которых «фонарь одинокий сутулится / У беззубых провалов ворот». Последняя глава этой части — самая эмоциональная в поэме. Это и песнь, и призыв, и стон, и заклинание горячо любящего Родину героя. В то же самое время она есть выстрадавшая, обращенная к Богу молитва о спасении самого дорогого — своей Отчизны. «Белое движение», так восхищавшее Г., зашло в тупик, но «белая идея», в которой была заложена идея религиозная, «идея борьбы за дело Божие на земле», в которой «человек, мужаясь, ищет опоры в своем религиозном опыте» (Ильин И. А. О грядущей России. М., 1993. С. 342), осталась ему очень близка, что видно из частной переписки (ГАРФ. Ф. 5912). Г. с нескрываемой душевной болью пишет о том, что на родине «народ глумится и пляшет, / После жатвы лихой осмелев», что «нивы оскверне-

ны», что земля, «грешная, проклятая», вся в «кровавом дурмане». Но грустнее то, что с этим некому бороться: «дети» — в изгнании, где их руки «повисли, как плети», а «тела омертвели от ран». И в то же время в стихах звучит убеждение, что человек, черпающий силы в высокой Вере, хранящий в своей душе образ Спасителя, преодолевает все удары судьбы. Г. надеялся, что когда-нибудь «над проклятой грешной землей / Воссияет Христова Любовь...» и на его родине начнется новая созидательная жизнь.

Лирику Г. отличает тематическое разнообразие: его интересуют история, искусство, религия, политика, современность. В его интимной лирике звучат не только грустные мотивы горечи раннего сиротства и одиночества («Паруса весенним ветром вздуты...», «Ни друзей, ни жены, ни любовницы...»), тоски по утраченной Родине («Все мне снится у берега Сены...»), усталости от «безрассудного» «холодного плавания» — эмиграции («Я научился дивной лени...»), но также запечатлены первые нежные чувства («Моих стихов сквозное кружево...», «Как прежде гипсовый Бетховен...», «Не певала ты песен с подругами...», «Ты живешь одинокой затворницей...»). «Прекрасная Дама» Г. бесконечно мила, в ее образе слились романтические и фольклорные традиции русской лит-ры: ей свойственны верность («Никогда не скрипит, не шатается / Под чужими шагами крыльцо, / Только мне одному улыбается / Наклоненное к пальцам лицо»), ласка, скромность и высокая религиозность («Ты молилась смиренно и сладостно, / Замирающий слушая звон. / Был Христос в твоей жизни безрадостной, / Что лампада у темных икон»). СобираТЕЛЬНЫЙ портрет ее необыкновенно привлекателен: соболиные брови, лукавые глаза, тяжелые косы с вплетенной жемчужной нитью. Щемящей болью наполнены воспоминания о далеком детстве («Страстная суббота»). Знаменитому итальянскому художнику эпохи Возрождения посвящена зарисовка «Фра Бартоломео».

Архимандрит Константин (Зайцев) отмечал, что Г. «сосредоточенно, серьезно занимался, и в этом сказывался не только интерес к учению и науке. Он необычайно серьезно относился к жизни и весь проникнут был чувством ответственности. <...> Но большего хотела его душа — действия, жертвы, подвига». Судьба отмерила ему короткий век, но в нем были и действия, и жертвы, и подвиг: он сохранил в своем глубоко верующем сердце «нехладеющий жар» бесконечной любви к России, к поэзии, к самой жизни.

Соч.: «Нехладеющий жар» поэзии. Лирика Алексея Гессена: учебное пособие и комментированная хрестоматия по разделу «Лит-ра русского зарубежья» / сост., вступ. статья В. Б. Заглобы. М., 2001.

Лит.: Белукова (Заглоба) В. Б. Благословен тот ярый пламень...: Жизненный путь и творческое наследие Алексея Гессена: монография. М., 2003; Струве Г., Струве П., Зайцев К. Венок на могилу А. Гессена // Возрождение. 1925. 12 июля; Даватц В. Умер Алексей Гессен // Новое время. 1925. 18 июля; Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984; А. В. Гессен // Руль. 1925. 14 июля; Афанасьев А. Неуголенная любовь // Москва, 1990. № 7; Гессен В. Род Гессенов в России (XIX–XX вв.) // Из глубины времен. СПб., 1996. № 7; Заглоба В. Историческая тема в поэзии Алексея Гессена // Текст: Узоры ковра. СПб.; Ставрополь, 1999; Дунаев М. Православие и русская лит-ра: в 6 ч. Ч. 6. М., 2000.

В. Б. Белукова

ГИЛЯРОВСКИЙ Владимир Алексеевич [26.11(8.12).1853, лесное имение графа Олсуфьева в Вологодской губ.— 1.10.1935, Москва; Новодевичье кладбище] — журналист, прозаик, поэт.

Г. родился в семье служащего: отец — Алексей Иванович — окончил духовную семинарию, служил помощником управляющего лесным имением; мать — Надежда Петровна — дочь потомка запорожских казаков, любила лит-ру и сама писала стихи. «Самое мое рождение было приключением,— писал

В. А. Гиляровский